

Обращение к читателям

Дорогие читатели, все, что вы прочтете в этой книге, плод фантазии автора. Любые совпадения имен, названий географических объектов, образцов техники, а также исторических событий, случайны и не намеренны. Описания воздушных боев частично взяты из многочисленных воспоминаний пилотов времен Второй мировой войны, причем не только советских, но и американских, немецких, финских и английских. Все это собиралось в голове автора и в кратких записках в течение многих лет, так что теперь трудно сказать, что и откуда попало в эту книгу. Приношу за это свои искренние извинения авторам мемуаров, но, насколько я знаю, ничьих авторских прав автор не нарушил, так как цитирование, если оно есть, ограничивается минимальным количеством фраз, большинство из которых к тому же подверглось редактированию.

Глава 1

Дождь усилился, стемнело и ощутимо похолодало. Время подходило к восьми, но автобус так и не пришел. Оставалось надеяться на попутку, однако кто и зачем попрется на ночь глядя по дороге, ведущей в никуда, — вопрос скорее риторический, чем по существу. Ответ очевиден. Никто. Поскольку некуда и незачем. Во всяком случае, не в это время дня и не в такую погоду.

Кира повела плечами, ощущая, как влажный озноб проникает даже под кожаный реглан, и, присев на чемодан, попробовала закурить. Впрочем, если день не задался, то сразу во всем. Отсыревшие спички не зажигались. Ломались, шипели, исторгая вонючий дым, но не горели. И, как водится, чем дольше длились ее мучительные попытки добыть этот чертов огонь, тем сильнее хотелось курить.

— Да что ж это, твою...! — выругалась она после очередной неудачной попытки.

Изо рта вырвался клуб пара, тут же пробитый мелкими каплями дождя, добравше-

гося до Киры даже под навесом автобусной остановки, и в этот момент на дальнем плече дороги вспыхнули фары.

«Так вот ты какое, женское счастье! — Кира выбросила размокшую папиросу и, встав с чемодана, быстро вышла на середину дороги. — Ну, судари мои, посмотрим теперь, кому на Руси жить хорошо!»

Машина стремительно приближалась. Мотались по сторонам, разбрызгивая жидкий мрак, желтоватые лучи от мощных, словно прожекторы ПВО, фар, а рука Киры уверенно нащупывала в кармане реглана переложенный туда «страха ради» ввиду ночного времени суток неуставной швейцарский «люгер».

— Стой! — заорала она, когда оказалась в свете фар, и тут же вскинула руку с зажатым в ней пистолетом.

В том отчаянном положении, в котором она оказалась, Кира была готова даже на крайности. И если бы — не дай бог, конечно же — водитель «пошел на таран», она бы ему, болезному, влепила напоследок восемь граммов чего-то там, — ну, не свинца же в самом деле! — прямо сквозь лобовое стекло. Однако обошлось. Машина давить ее не стала: притормозила загодя, тихо приблизившись накатом, и встала метрах в трех перед Кирой. Водитель, судя по всему, не зевал и заметил вышедшего на дорогу человека издалека,

благо фонарь на автобусной остановке был хоть и плохонький, но кое-как дорогу освещал.

— Это ограбление?.. — водитель легковушки, который уже рассмотрел, наверное, в свете фар, что имеет дело пусть и с военной, но все же с женщиной, вышел под дождь и стоял теперь там, у открытой дверцы автомобиля, похожий на тень отца Гамлета. Черная невнятная фигура, если смотреть против света. Но голос, очевидно, мужской, что не странно в таком месте и в такое время, — и полон откровенной иронии.

— Нет! — Кира опустила руку, но убирать «люгер» в карман не стала, мало ли что. — Попутку до сто седьмого километра ищу.

— На Чертову Мызу, что ли? — поинтересовался водитель, по-прежнему стоявший вместе с Кирой под мелким холодным дождем.

— Может быть, вы еще и номер воинской части назовете? — вопросом на вопрос ответила Кира.

— Слушайте, офицер, — не задумываясь ответил незнакомец, — сдался вам этот гребаный номер, если вы направляетесь на аэродром Чертова Мыза? Я ведь правильно понимаю, вас тут ссадил кто-то, направлявшийся в Вестбигду. Сказал, ждите, мол, автобус, и уехал. Так?..

— Допустим! — Кира уже поняла, что собеседник не опасен, но все равно осторожни-

чала. Привычка — вторая натура, не правда ли? И приказы «о бдительности» никто пока не отменял.

— Ну, вот и отлично! — откровенно усмехнулся мужчина. Впрочем, вышло это у него не зло и не обидно. — Автобус уже не придет, но вам повезло, я как раз еду на аэродром и с удовольствием вас подвезу. С чемоданом помочь?

— А вы?.. — Кира замялась, ей вдруг стало неловко спрашивать незнакомца, кто он и откуда, но и не спросить не могла. Все-таки ночь, лесная дорога, военное время, то да се...

— Виноват, не представился! — понял ее, что называется, с полуслова мужчина. — Поручик Львов, Яков Иванович.

— Капитан Амелина, — Кира опустила пистолет в карман и повернулась к чемодану.

— Капитан или?.. — уточнил поручик Львов.

— Штабс-капитан*, — бросила Кира через плечо.

— А по имени-отчеству, госпожа штабс-капитан?

«Вот же зануда!»

— Кира Дмитриевна.

— Приятно познакомиться, Кира Дмитриевна! Так что, с чемоданом помочь, или как?

*В РИА звание капитан стояло выше звания штабс-капитан (сразу перед подполковником). В неформальной обстановке, однако, эти различия не подчеркивались.

— Или как! — Кира подхватила тяжелый чемодан и вернулась к автомобилю, оказавшемуся при ближайшем рассмотрении довольно дорогим, хотя и порядком потрепанным гражданским вездеходом «Ермак». — Откройте багажник, или просто положить на заднее сиденье?

— Кидайте назад и поехали! — поручик уже вернулся на водительское место и теперь неторопливо и с видимым удовольствием закуривал.

— Закурить предложите? — Кира захихнула чемодан на заднее сиденье и теперь устраивалась рядом с поручиком.

— Угощайтесь! — протянул ей мужчина коробку асмоловских папирос.

Он был одет в полевую форму, но ни наград, ни обычных для пилотов значков у него не было. Только погоны и «крылышки» ВВС. Странная история, если разобраться. Даже у зеленого подпоручика — только что из-за парты — на груди, слева, что-нибудь да нарисуеться. Значок парашютиста, «поплавок» училища, еще какая-нибудь ерунда. Но этот поручик на новичка не походил. Мужичку лет тридцать, если не больше, едет на своей машине — тут у Кире и сомнений не возникло, курит дорогие папиросы...

«И где, спрашивается, его шинель? Осень все-таки на дворе!» — она прикурила от предложенного огня и теперь рассмотрела у пору-

чика Львова шрам, спускавшийся слева по челюсти вниз, на шею. Однако и шевронов за ранения на форменной тужурке Якова Ивановича не нашлось тоже.

«Просто, табула раса* какая-то, а не офицер императорских военно-воздушных сил!»

— Выпить хотите? — поручик смотрел на нее с интересом, но без обычных для мужских коллективов на войне смущения или наглости. А вот на дорогу почти не смотрел.

«Пилот, — решила Кира, — и, возможно, неплохой. Ведет уверенно, без суеты, без напряжения... И не выпендривается».

— Спасибо, — сказала вслух. — С удовольствием.

— Если не брезгуете, пейте прямо из горлышка, — поручик достал из-под сиденья початую бутылку старки и протянул Кире. — Стакана у меня все равно нет. Разве что у вас свой в запасе имеется.

— Есть где-то в чемодане... — Кира взяла бутылку, вытащила пробку и, обтерев платком горлышко, приложилась на два длинных глотка. Горькая струя пролилась на язык, скользнула в горло. Жидкий огонь имел вкус осени, пах домом, яблоками, опавшими листьями.

— Спасибо! — сказала, возвращая бутылку. — Очень хорошая старка. И недешевая, я думаю...

**Tabula rasa* — табула раса — чистая доска (лат.).

— Из старых запасов. Такую теперь и за деньги не купишь, — поручик убрал бутылку, коротко глянул на Киру. — Значит, вы новый командир второй эскадрильи, я правильно понимаю?

— Я служебные дела с незнакомыми людьми не обсуждаю, — пыхнула дымом Кира. — Со знакомыми, впрочем, тоже. Вы пилот?

— Как и вы.

— Почему знаете? — по-простонародному удивилась Кира.

— Пальцы крепкие! Вон как пробку достали!

— Ну да! — кивнула Кира. — Это я могу! А вы наблюдательный.

— Истребитель.

— Я догадалась. И летаете конечно же во второй эскадрилье.

— Ваш будущий подчиненный, стало быть.

— На вопрос ответите?

— Даже и не спрашивайте, — усмехнулся в ответ поручик. — Сначала посмотрите мое личное дело. С командиром полка поговорите. Там видно будет.

— Ну, хоть какое училище закончили, скажете? — упорствовала Кира.

— Нет, — покачал головой Львов. — Ничего я вам, командир, не скажу, и не обижайтесь! Мне начдив лично запретил. Будут вопросы, идите к нему, но я бы не советовал. Он всех на хер, простите за выражение, посылает, по-

шлет и вас. А оно вам надо с вашими-то проблемами?

«С моими проблемами...»

— Что вам известно о моих проблемах? — получалось, что она попала на самую примитивную провокацию, какую мог измыслить охочий до таких шуток мужской мозг. Теперь приходилось выстраивать тактику беседы на ходу.

— Амелина, — повернулся к ней Львов. — Фамилия запоминающаяся. Вы Качинское училище, Кира Дмитриевна, закончили в сороковом году. Я это случайно запомнил. Десять лет прошло, из них три года войны... Звание штабс-капитан, ни то ни се... Наверняка пара-другая орденов, а должность — командир эскадрильи. Оно и понятно, в Академию вас не приняли, потому что женщина. За линию фронта летать запрещено. Да и вообще, армия — мужской клуб, в нем женщин за другое ценят...

— Да вы, поручик, философ! — усмехнулась Кира, скрывая горечь за завесой табачного дыма.

Увы, но в словах Львова было больше правды, чем ей хотелось бы признать. Киру в свое время и в училище брать не хотели. И после выпуска из армии едва не поперли. То есть поперли, вообще-то, потому что женщин — военных летчиков в Российской империи не существовало по определению.

— *И не будет никогда!* — сказал ей багроволицый генерал-лейтенант. — *Идите, барышня, и займитесь чем-нибудь полезным. Детей вот хоть рожайте, или еще что! А армию оставьте нам, мужчинам. Не по-христиански это, барышень в бой посылать. Не по-людски!*

Но на ее счастье как раз случился греко-турецкий конфликт, быстро переросший в полномасштабную войну, и царь Константин начал спешно вербовать волонтеров в свои недоразвитые ВВС. Там, впрочем, тоже не обошлось без осложнений...

Греческий полковник с сомнением изучил Кирины бумаги, поморщился как от зубной боли, но вынужден был признать, что, будь господа Амелина мужчиной, он бы и минуты не сомневался. Но женщина летчик? Боевой летчик истребитель? Nonsense, господа. Абсолютный nonsense! И все-таки, все-таки ему нужны были истребители, знакомые с новой техникой, а Кира на всем этом летала и, судя по документам, летала неплохо. Это и решило дело...

То есть, по существу, Львов был прав, но его правота Кире решительно не нравилась.

— Вы еще забыли упомянуть про мое происхождение, — со злости добавила она вдогон, вспомнив про те свои мытарства.